

Оглавление

Глава первая	3
Глава вторая	20
Глава третья	41
Глава четвертая	55
Глава пятая	67
Глава шестая	82
Глава седьмая	100
Глава восьмая	116
Глава девятая	131
Глава десятая	149
Глава одиннадцатая	168
Глава двенадцатая	181
Глава тринадцатая	196
Глава четырнадцатая	211
Глава пятнадцатая	228
Глава шестнадцатая	243
Глава семнадцатая	259
Глава восемнадцатая	273
Глава девятнадцатая	293
Глава двадцатая	308

Глава первая

1

Чжан Дагэ — всем и каждому брат. Должно быть и родной отец звал его братом, да и как иначе его назвать?

Священная миссия Чжана — сватать людей и бороться с разводами. Пусть у каждой девушки, думает Чжан Дагэ, будет подходящий муж, а у каждого парня — подходящая жена. Но где их найти, этих подходящих? И тут Чжан Дагэ вполне заменяет микроскоп и весы. Увидит девушку с рябинками и тотчас в человеческом море отыщет ей пару, какого-нибудь заику или близорукого. Мысленно положит их на весы — один уравновешивает другого. Чем не пара? Близорукий не заметит рябинок, а девушка не будет торопить его с покупкой очков. И без промедления — если, конечно, в том есть необходимость — стороны обмениваются фотографиями. Дело в шляпе!

Только весами быть не так просто. Нужно тщательно взвесить все: возраст, внешность, ха-

ракти, гороскоп. Можно ли относиться столь безответственно к такому важному делу, как брак? Ведь это на всю жизнь. И если кто-нибудь из родственников или друзей обходится без его услуг, Чжан Дагэ, чтобы не огорчаться, не участвует в свадебной церемонии, а посылает с поздравлениями жену. Но не из-за обиды — просто он понимает, что такой брак нельзя считать браком высшего сорта, поскольку жених и невеста не побывали на весах Чжан Дагэ.

Разводы, Чжан Дагэ уверен, происходят лишь по одной причине — из-за неточных весов свахи. Ни один брак, устроенный по его рекомендации, не кончался разводом. Даже речи об этом не было. Поссорятся молодые, поругаются — ничего особенного. Одна ночь вместе — счастье на всю жизнь. Милые бранятся — только тешатся. Расквашенный нос, подбитый глаз — не велика беда, главное, чтобы не дошло до развода.

Бывает еще свободный брак, но это такая же крайность, как и развод. Тут никто ничего не взвешивает. На такие свадьбы даже госпожа Чжан не ходит. Чжан Дагэ посылает кого-нибудь другого со «счастливыми надписями», хотя вместо них охотно послал бы «траурные полотнища»¹.

---

¹ Счастливые надписи — поздравления к свадьбе, ко дню рождения; траурные полотнища — выражения соболезнования по случаю похорон. — *Здесь и далее примечания В. Семанова.*

Если устройство брака — истинное творчество, то предотвращение развода — критика. Чжан Дагэ не говорил этого, но думал именно так. Из-за неточных весов свахи некоторые люди решаются расстроить такое важное дело, как брак. В этом случае необходимо все снова проанализировать, взвесить и на одну из чаш добавить гирю для равновесия; тучи рассеются, дело будет улажено, семья сохранена. Юристы могут лишь изумляться: никто из друзей Чжан Дагэ не получал повестки в суд. Лишь настоящему художнику дано право критиковать искусство, только настоящая сваха в силах предотвратить развод. Чжан Дагэ всегда удается посрамить прежнюю сваху и помирить супругов, которые собираются идти в суд. После примирения супруги навсегда забывают о своей прежней свахе и не перестают выражать благодарность Чжан Дагэ. Таким образом из критика он превращается в творца.

Чжан Дагэ в представлении людей тот же сват. Когда говорят: «Дядюшка Чжан пришел!» — девушки прячутся в укромный уголок и прислушиваются к биению своего сердца. И если после этого Чжан Дагэ не появляется самое большее десять дней, в доме не обходится без слез. Чжан Дагэ — хозяин человеческих сердец. Даже пожилые женщины радуются его приходу, он вносит в их однообразную жизнь аромат юности. В семьях, где нет сыновей или дочерей, Чжан Дагэ — редкий гость, если не считать похорон.

Чжан Дагэ — человек ученый, он с детства много читал, кажется, прочел даже «Брак и любовь»¹, но читает он лишь затем, чтобы лишний раз убедиться, насколько его суждения совершеннее тех, которые он находит в книгах. Глаза у него как у волшебника. Левый наполовину прикрыт и служит ситом. Тщательно просеивает все, что видит правый, ибо читает в душе Чжан Дагэ и отсеивает все, что противоречит его мнению.

Это маленькое сито — дар, посланный Чжан Дагэ самим небом. И хотя Чжан Дагэ — воплощение скромности и деликатности, он гордится этим даром. Сито спасает от крайностей, что очень важно для сохранения равновесия — по крайней мере, не свернешь шею на ровном месте: этого Чжан Дагэ пуще всего боится. Его одежда, шляпа, перчатки, трубка, трость — в меру модные, но вряд ли приверженец старых устоев решится ими воспользоваться. Одет он не кричаще, но обращает на себя внимание. «Слушайте Чжан Дагэ! Не ошибетесь!» Мало кто из друзей и знакомых Чжан Дагэ, собирающихся вступить в брак, не произносил этих слов. Маленький паланкин в свадебной машине — это изобретение Чжан Дагэ. Невесту теперь обычно встречают на автомобиле, — выходит, девушка так и не посидит в свадебном паланкине. Это, конечно, упу-

---

¹ «Брак и любовь» — популярная брошюра о проблемах семьи в Китае.

щение. И опять же, когда машина подъезжает к воротам, собирается толпа зевак, жаждущих поглазеть на невесту. Это не совсем прилично, не говоря уже о том, что не к добру. Самое лучшее — поставить в машину небольшой паланкин. Вот до чего додумался Чжан Дагэ! Машина подъезжает к дому, раз — и паланкин выносят. Зевачки остаются с носом: придется теперь самим жениться или выйти замуж, тогда узнают, как выглядит невеста. Кроме того, это наглядный урок для влюбленных, как бы намек. Правда, однажды летом невеста вывалилась из паланкина — хлопнулась в обморок от жары. Поэтому теперь даже осенью в машине работают два вентилятора. Это тоже изобретение Чжан Дагэ. Беда научит.

3

Если бы у каждого была жена по сердцу, никто не шумел бы о коммунизме, не кричал об общих женах. Чжан Дагэ глубоко верит в это. Уж какие бывают молодые люди, можно сказать, революционеры, а женятся — их и не услышишь. Не один такой случай знает Чжан Дагэ. Все связано с братом. Если у неженатого пойдут по лицу красные пятна, а женатый станет хмуриться, надо быстро уладить дело, иначе произойдет неприятность.

Вот уже несколько дней Лао Ли ходит печальный, наверняка что-то стряслось. Чжан Дагэ советует ему принять аспирин или другое лекар-

ство — не помогает. И Чжан Дагэ ставит диагноз: что-то не ладится в семье.

Лао Ли родом из деревни. Впрочем, по мнению Чжан Дагэ, любой человек, кроме пекинца, — родом из деревни. Тяньцзинь, Ханькоу, Шанхай, равно как Париж и Лондон, для Чжан Дагэ — деревня. Единственная известная ему гора — это Западная. От торговцев фруктами с Северных гор на него веет чем-то таинственным. Самое дальнее путешествие, на которое он отважился, — поездка за ворота Вечного Покоя¹. Зато он знает, что фарфор производят в Цзюцзяне, шелка в Сучжоу и Ханчжоу, и еще что Циндао находится в провинции Шаньдун, а шаньдунцы держат в Пекине мясные лавки. Он никогда не видел моря и не стремится его увидеть. Центр мира для него — Пекин. Лао Ли родился не в Пекине, значит — деревенский, а к деревенским Чжан Дагэ относится с особым сочувствием. Они чаще других затевают разводы, потому что свахи в деревнях, как и лекари, люди непрофессионалы. Словом, родиться в деревне — большое несчастье.

Лао Ли и Чжан Дагэ служат в управлении финансов. По правде говоря, Лао Ли образованнее и способнее Чжан Дагэ. Но Чжан Дагэ держится как личность незаурядная, а Лао Ли — как заху-

---

¹ Западная гора — имеется в виду горный хребет Сишань вблизи Пекина. Северные горы — живописное место недалеко от китайской столицы. Ворота Вечного Покоя — южные ворота в городской стене Пекина.

далый секретаришка. Доведись Чжан Дагэ побеседовать с каким-нибудь дипломатом, он не ударил бы лицом в грязь. А Лао Ли даже при женщинах теряется. Он родился в последние годы правления Гуансюя и с детства ни у кого не вызывал симпатии. Почему — трудно сказать. Другое дело — Чжан Дагэ. С косой он выглядел таким же счастливым, как Чжан Сянь¹, потом отрезал косу и начал мазать голову маслом, чтобы волосы лучше росли, и уже походил самое меньшее на начальника управления.

Европейский костюм, самый что ни на есть модный, сидел на Лао Ли мешковато. Лицо, чисто выбритое, но всегда хмурое, казалось непривлекательным. Визитная карточка с указанием должности — чиновник управления финансов — могла вызвать лишь недоумение. Когда же Лао Ли сообщал, что изучал банковское дело и экономику, недоумение перерастало в изумление, потому что было в его внешности что-то недостойное этих великих наук.

Между тем Лао Ли не был уродлив: стройный, высокий, с большими глазами и густыми бровями; рот, правда, великоват, зато зубы ровные, белые. И все же Лао Ли не вызывал симпатии. Где бы он ни появлялся, людям становилось как-то

---

¹ Гуансюй — период правления маньчжурского императора (1875–1908 гг.). Чжан Сянь — глава одной из милитаристских группировок; в 1917 г. пытался реставрировать маньчжурскую монархию. Коса — символ подчинения маньчжурам.

не по себе. Он, видимо, сам это знал и потому еще больше терялся. Нальют ему чаю, он из вежливости поднимется, чтобы принять чашку, но тут же обольет того, кто подал чай, и себе руки ошпарит. Полезет за платком и при этом умудрится задеть чей-нибудь нос. После этого, не говоря ни слова, схватит шапку и убежит.

Дела он вел аккуратно, причем самые каверзные доставались ему. Когда же речь шла о визитах к начальству, командировках, взятках, повышениях — о Лао Ли и не вспоминали. В свободное время Лао Ли читал — он любил покупать книги. Иногда ходил в кино. Но если, не дай бог, впереди или рядом с ним целовалась какая-нибудь парочка, Лао Ли в порыве возмущения вскакивал и уходил, не преминув наступить на ногу девице.

У Чжан Дагэ лицо было длинное, но не очень, во всяком случае, не такое, как ослиная морда или тыква. Когда он смеялся — сплющивалось, словно у старика. Большой нос, острый взгляд, крупные мочки ушей — в общем, был он человеком заметным и одет вполне прилично: темный шерстяной халат, подбитый верблюжьей шерстью, атласный жилет тоже темный, с карманчиком на груди, из карманчика торчит ручка с золотым зажимом, в которую Чжан Дагэ ни разу не набирал чернил и вынимал лишь затем, чтобы протереть шелковым платком перо. Под халатом он вместо куртки носил европейскую рубашку, потому что очень любил запонки с фальшивыми камнями-

ми. К рубашке госпожа Чжан пришила карманы: Для кошелька, для часов, для печатки, чтобы все это было при нем и хранилось в безопасности. Он ходил с лакированной тростью, украшенной золотыми колечками, но никогда не касался ею земли. Курил английскую трубку, то и дело приминая табак эмалевой спичечницей. На безымянном пальце левой руки носил кольцо, на котором иероглифами в древнем стиле было выгравировано его имя. В свободные дни брал с собой фотоаппарат, но так и не сделал ни одного снимка.

Особенно нравились Чжан Дагэ изящные безделушки. Он лучше всех помнил, в какие дни крупнейшие фирмы значительно снижали цены на товары. Он не покупал товаров японских фирм, и этим исчерпывались его патриотические чувства, зато он считал себя вправе вместе с другими ругать «предателей». Его жизненный опыт вполне заменил ему энциклопедические знания. Он знал все, перепробовал все мелкие должности, был знаком с деятелями всех партий, хотя совершенно не интересовался их целями и принципами. Какие бы изменения ни происходили в стране, он всегда находил себе дело, более того, становился самым нужным человеком. Стоило кому-нибудь из сослуживцев упомянуть в разговоре начальника управления, начальника отдела или секретаря, как Чжан Дагэ хитро шурил левый глаз и, посмеиваясь, смотрел правым на голубой дымок от трубки; внимательно выслушивал до конца, потом приоткрывал левый глаз и говорил:

«Этот? Да я был у него сватом!» Тут все узнавали, что перед ними волшебник, само божество. И с этого момента Чжан Дагэ уже не столько работал, сколько занимался свадебными делами. Он неделями не вспоминал о служебных обязанностях, зато дня не проходило без свадебных хлопот. Служба беспокоила его все меньше и меньше. «На браках государство держится», — говорил он. Звонили ему чаще, чем другим, но сослуживцы не выказывали по этому поводу неудовольствия, особенно молодые. Надо всячески угождать Чжан Дагэ, тогда он найдет подходящую невесту, пусть не красавицу, зато с приличным приданым, а это на весах уравнивает ее с женихом.

Заподозрив, что Лао Ли надумал разводиться, Чжан Дагэ сразу оживился и повеселел.

4

— Лао Ли, заходи пообедать. — Приглашая в гости, Чжан Дагэ никогда не спрашивал, располагаете ли вы временем, звал, будто приказывал. Но делал это так искусно, что отказать вы ему не могли, как бы ни были заняты.

Согласился и Лао Ли, слова не сказал, впрочем, Чжан Дагэ сам решил за него. Не так-то просто дожидаться от Лао Ли ответа. Когда к нему обращаются с вопросом, он напоминает телефониста, получившего сразу несколько вызовов: сначала сообразит, кого отключить, а затем подаст голос. Если вы спросите у него, какая се-

годня погода, он начнет издалека, может вспомнить, как однажды, идя в школу, забыл сумку с книгами. Зато, не в пример другим, Лао Ли никогда ничего не забывал.

— Приходи пораньше, Лао Ли. Гостей не будет, посидим — поговорим. Ну хотя бы в половине шестого, хорошо? — Последнюю фразу Чжан Дагэ произнес уже более мягко, устыдившись своего повелительного тона.

— Ладно! — ответил наконец Лао Ли и тут же добавил: — Только, пожалуйста, не надо угощения. — Не думайте, что Лао Ли так уж не хотелось пообедать, просто он отдал дань вежливости.

Лао Ли любил ходить в гости и всегда тщательно готовился. Он наверняка знал, о чем поведет речь Чжан Дагэ. Главное, понять суть дела или хотя бы уловить намек, на это сообразительности у Лао Ли хватит.

Ровно в половине шестого раздался стук в дверь. Вообще-то Лао Ли пришел десятью минутами раньше, но погулял по переулку: он считал, что приходить нужно точно в условленное время.

Чжан Дагэ еще не возвратился. Госпожа Чжан знала, что Лао Ли придет к обеду, и пригласила его войти. Чжан Дагэ и хотел бы, да не мог быть точным. За день ему пришлось улаживать три сердечных дела, он уже уладил два, когда подвернулась то ли госпожа Ван, то ли невестка Ли, пришлось идти смотреть приданое. Лао Ли все это знал и ни капельки не обиделся. Но о чем го-

ворить с госпожой Чжан? К беседе с ней он не был готов.

Госпожа Чжан отличалась от супруга разве только тем, что не была мужчиной. Дагэ сватал, она — помогала. И говорила она как супруг, и даже внешне была на него похожа, только ростом пониже. Ее можно было принять за сестру Чжан Дагэ, даже за его тетку, но стоило ей раскрыть рот, и становилось ясно, что перед вами госпожа Чжан. Смеялась она оглушительнее самого Чжан Дагэ, а говорила так громко, что бумага в окнах дрожала. Она была по-своему привлекательна, хоть и не обладала такими волшебными глазами, как супруг. Однажды она остриглась, но через месяц стала снова отращивать волосы, потому что без пучка на затылке чувствовала себя как-то неуверенно.

— Присаживайтесь, присаживайтесь, Лао Ли! — Госпожа Чжан называла всех так же, как ее супруг. — Дагэ вот-вот придет. Я угощу вас великолепной бараниной, приготовленной в «самоваре»¹. Пойду порежу мясо. Вот вам чай, семечки, сладости, угощайтесь. Можете не стесняться! Снимайте же пальто! — говорила она, улыбаясь.

Не успел Лао Ли произнести ни одной подходящей к случаю фразы, как госпожа Чжан вышла из комнаты. Он почувствовал огромное облегчение, снял пальто, долго искал, куда бы его положить, но так и не нашел. Присел, однако до

---

¹ «Самовар» — в отличие от русского самовара служит для приготовления пищи.

сладостей дотронуться не решился, взял семечко и стал вертеть в пальцах. Уже началась зима, а печь почему-то не топили. Но руки у Лао Ли были влажными. В гостях он больше потел, нежели говорил, — и это порой помогало излечиваться от простуды.

В это время года обычно еще не подают «самовар». Но опередить время — так заманчиво. Никто лучше Чжан Дагэ не знал, когда подать баранину, когда лапшу с приправами, а когда новогодние пироги, когда надеть халат на меху, когда водрузить на нос очки от ветра, когда стрелять из хлопушек. Заманчивость — дело тонкое, не то что необходимость. Пусть ни единый листок не колыхнется от ветра, а Чжан Дагэ уже в защитных очках. Пусть плывет по небу совсем крошечная тучка — Чжан Дагэ сменяет трость на зонтик. Все в доме Чжан Дагэ устроено таким образом, чтобы опередить время.

В гостиной уже стояло блюдо с угощениями; благоухали нарциссы, распустившиеся еще в декабре. Чжан Дагэ сам их выращивал и первый наслаждался их ароматом, а в Новый год еще покупал цветы. Лао Ли просмотрел пластинки: все недавнего выпуска, и не только арии из пекинской оперы, но и песенки из фильмов — это для дочери. Любая вещь может пригодиться со временем. На полу — ковер, старомодные жесткие стулья, на них, пожалуй, удобнее стоять, чем сидеть. Но никто не посмеет сказать, что голубой ковер с бледно-розовыми цветами персикового

дерева не гармонирует со стульями, на которых тоже узоры из цветов, и что все это не отличается древней простотой и изысканностью.

Лао Ли чуточку завидовал Чжан Дагэ, почти восхищался им. А восхищаться Чжан Дагэ — значит преклоняться и перед госпожой Чжан. Она вышла нарезать мясо. Да, Чжан Дагэ обходится без прислуги. Если накопится множество дел, можно пригласить слугу из учреждения. Слуги не боятся хозяев, которые ни в чем не разбираются и попусту шумят, даже любят их. Когда гром гремит, а дождя нет — не велика беда. Но не таков Чжан Дагэ. Он во всем разбирается. Только выйдет на улицу — и уже знает, сколько стоит халат на лисьем меху или сушеные креветки. Он как бы впитывает в себя атмосферу улицы. Слуги в его доме не задерживаются — не потому, что он несправедливый или черствый. Напротив. Слуги постоянно чувствуют, что им нужно делать что-то из ряда вон выходящее, чтобы быть достойными хозяина, например прыгнуть в реку или затянуть петлю на шее.

Весь дом держится на госпоже Чжан, Лао Ли не может не преклоняться перед ней, хотя она чересчур громко смеется. Но, поразмыслив, он чуть заметно качает головой. Нет-нет! Такая семья — это тяжелое бремя! Только кладезь знаний и Ходячий Ценник Чжан Дагэ может спокойно нести это бремя, да еще находить радость в таких мелочах, как уборка, мытье посуды, стряпня, унижающие его жену. Госпожу Чжан можно только пожалеть.